ЧЕХИ И «ЧЕШСКОСТЬ»: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1918–2018)

© 2019 г. И.А. Герчикова

Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Email: geririna@inbox.ru

В статье освещены вопросы «чешского пути», оснований, объединяющих общество, вновь обретшие актуальность в связи со столетним юбилеем образования республики. «Чешскость» рассматривается в историческом аспекте и в современную эпоху глобализации и размывания национальной идентичности.

The article highlights the issues of the «Czech way», the grounds that unite the society, which have regained relevance in connection with the centenary of the Republic. «Czechness» is considered both in historical retrospective, and in the modern era of globalization and erosion of national identity.

Ключевые слова: независимая Чехословакия, чешский путь, идентичность, национальный характер, Масарик, Кафка, Гашек, Черны, Вацулик.

Keywords: independent Czechoslovakia, Czech way, identity, national character, Masaryk, Kafka, Hasek, Cherny, Vaculik.

DOI: 10.31857/S0869544X0005430-6

2018 год стал особым для Чехии. 1 января исполнилось 25 лет со дня разделения Чехии и Словакии и образования самостоятельного чешского государства, в августе – 50 лет Пражской весне и вторжению войск Варшавского договора в Чехословакию. А главным событием стало 100-летие возникновения независимой Чехословакии. Знаменательные события были отмечены по всей Чехии выставками, концертами, торжественными мероприятиями – всего 172 акции, на которые государство выделило 400 млн крон.

В связи с этим юбилеем возобновились обсуждения, дискуссии о «чешском пути», «чешскости» (češství) и вместе с тем поиске «духовных скреп», оснований, объединяющих общество. Чешскость определяется как осознание принадлежности к чешскому народу и чешская национальная идентичность или же как национальные особенности чехов, как они понимаются ими самими.

Как отмечает чешский публицист Иржи Турнер, в чешском языке отсутствуют аналогичные слова в связи с другими народами, нет слов русскость, австрийскость, британство, монгольство (rusství, rakousství, britství, mongolství). «Как будто для нас

это какая-то особая способность или черта. Как будто это нечто большее, чем любовь к родной земле, патриотизм, и связано это с некой нашей уникальной диспозицией» [1].

Газета «Literární noviny» провела опрос среди известных деятелей чешской культуры, политиков, философов. Анкета называлась «Чехи, знаете ли вы, чего хотите?», и целью было выяснить, «как они сами себя видят, какими бы хотели быть». Обсуждение предваряла преамбула: «Когда возникла самостоятельная Чешская республика, разговоры о национальных интересах представлялись бессмысленными, так как их заменил лозунг “возвращения в Европу”, что означало скорейшее вступление в НАТО, а затем в Евросоюз. Сегодня, когда уже прошла четверть века, и мы видим, как войны Североатлантического блока гонят в Европу сотни тысяч беженцев и как под их натиском рушится Союз, мы и решили задаться вопросом: настало ли время дискутировать о чешских национальных интересах, о национальной идентичности и если да, то как эти интересы определить» [2].

Поисками чешской идентичности, местом чешского народа в истории занимались многие выдающиеся личности, такие, например, как «отец Родины» Карл IV (1316–1378), с которым связан «золотой век» Чехии. При нем чешское королевство стало не только центром обширной империи, но и одной из самых процветающих стран Европы. На Чешском телевидении в 2005 г. выходила в эфир программа «Величайший из чехов». В ходе конкурса, состоявшего из нескольких туров, телезрители должны были выбрать самого выдающегося, по их мнению, представителя чешского народа всех времен. В финале, где соперничали такие личности, как Томаш Масарик, Вацлав Гавел, Антонин Дворжак, Ян Жижка и другие, победил Яра Цимрман – вымышленный герой, придуманный чешскими авторами Л. Смоляком, З. Свераком и И. Шебанеком в 1966 г., «универсальный гений», изобретатель, философ, педагог и т.п. Гениальность этого «родственника» Козьмы Пруткова была основана на народной мудрости и юморе. Он же был признан главным чудом страны в 2010 г. по результатам всенародной акции выбора «Семи чудес Чехии». Так как Цимрман не был реальным человеком, звание «Величайшего чеха» ему в конце концов присуждено не было, а первое место отдали Карлу IV. Но голосование показало как раз чешский национальный характер во всей его красе, как характер народа с чувством юмора и самоиронии.

«Чешский вопрос» решали и Ян Гус, и Ян Жижка, Петр Хельчицкий и Ян Амос Коменский. Йозеф Юнгман (1773–1847), один из ведущих деятелей Чешского национального возрождения, определил чешскость как соотносимость с языком. До него понятие национальной принадлежности было более, так сказать, современным, т.е соотносилось с территорией. По мнению чешского журналиста Яна Чулика (род. в 1952 г., с 1996 г. является основателем и редактором независимой чешской интернет-газеты «Britské listy»), Юнгман «внушил чешскому народу, что быть чехом означает говорить по-чешски, и в чешском языке скрыта особая черта “человечности”, что привело к тому, что чешское общество с того момента и на весьма продолжительное время позиционировало себя, в качестве оборонительной меры, как нечто особенное по отношению к недружественной ина́ковости, по отношению ко всему нечешскому [3]. Если Карл IV обеспечил суверенитет территориальный и политический, Франтишек Палацкий (1798–1876), родоначальник и идеолог австрославизма, работал над национальным самосознанием, сыграв важную роль в развитии чешской культуры и национально-патриотического движения. Он сформулировал свою политическую концепцию, квинтэссенцией которой стали слова: «Были мы до Австрии, будем и после нее»). Заслугой его и других деятелей национального возрождения является то, что чешский язык был сохранен. С одной стороны был

австрославизм, с другой – панславизм с его идеей государственного объединения всех славянских стран с царской Россией во главе (термин «панславизм» впервые был предложен словаком Яном Геркелем в 1826 г.). Не забудем и К. Гавличека-Боровского (1821–1856), который вначале был сторонником, а потом ярым противником панславизма,– символ чешского национального самосознания, названный Вацлавом Гавелом первым чешским диссидентом. Гавличека считали подлинным чешским патриотом, намного превосходившим ура-патриотов – его коллег Й.К. Тыла, Ф.Л. Челаковского, одного из главных провозвестников идеи «славянской взаимности», и др. Гавличек заявлял, что панславизм – это то же, что космополитизм. «Мы – чехи, отличные от поляков и русских, а не славяне. Мы не хотим становиться ни немцами, ни венграми, ни русскими, поэтому давайте относиться к русским прохладно, если не с ненавистью»,– говорил он, считая бессмысленными и попытки создать единый славянский язык [4. S. 133]. До поездки в Россию его интересовала чешско-славянская культурная общность, а из России он приезжает уже с чисто чешской политической программой.

Мечты деятелей национального возрождения постепенно в течение второй половины XIX в. преобразовались в идеи государственности и независимости, которые воплотил в жизнь Томаш Гаррик Масарик. Всю жизнь Масарик стремился решить для себя «чешский вопрос», проникнуть в тайну малого народа, его истории и его смысла. Он искал способ, которым чехи могли бы достичь своих национальных целей. В противоположность большинству чешских политиков он не считал единственным спасением реализацию государственного права, а придавал огромное значение естественному праву народа на равенство и собственное правительство. Одновременно он не поддерживал идею национального экстремизма, признавал необходимость равноправия чехов и чешских немцев. Долгое время он добивался, чтобы с помощью реформ системы Австрийская империя признала права народов, ее населяющих, на независимость и государственность и отказалась от централизма в пользу федерации. Постепенно осознавая, что путем мирных реформ этого достичь нельзя, Масарик стал противником имперской политики Австрии и был готов к радикальным изменениям. Первая отчетливая программа формирования независимого совместного государства чехов и словаков появилась только во время Первой мировой войны – ее в проработанном виде и сформулировал Масарик. Идеи независимости высказывались и до этого. Одна из них – доктрина Виктора Дыка (1877–1931), чешского прозаика, драматурга, публициста, которая называлась «Теория катастроф». Это была радикальная теория в чешском общественном движении. Было заявлено о возможности получения чехами независимости только в результате столкновения германского и славянского миров. Еще один проект, Карла Крамаржа, о вхождении Чехии как федеративного государства в состав Российской империи, назывался «Славянская уния» и предполагал вхождение в это объединение ряда славянских государств, не только чешского. Об этом подробно писала З. Ненашева [5], а разные концепции чешскости Масарика и Дыка, соответственно концепции национальной идеологии и политики анализируются в книге чешского историка Йозефа Томеша [6]. Чешскость Масарика была тесно связана с духовными ценностями, с социальными реформами, с интернационализмом, с открытостью Европе. Чешскость Дыка была оборонительной (ожидание угрозы, прежде всего со стороны немцев, да и в собственных рядах, где не было единства и осознания важности миссии) и боевой, более опиравшейся на национальные традиции.

Самым решающим моментом на пути к образованию независимого чехословацкого государства стала Первая мировая война. Каждый период независимости Чехии чередовался с увеличением подчинения более сильному соседу, и чешский народ был вынужден бороться за право самостоятельно решать свою судьбу на

протяжении всей своей истории. И вот, когда вековая мечта осуществилась, 22 декабря 1918 года первый президент Чехословакии Масарик обратился к своему народу со словами о том, что главной цели добились. Все граждане без различия партий, религий и национальностей получили возможность построить образцовое демократическое государство. Но теперь нужно постараться удержать завоеванное навсегда. А эта задача посложнее, чем во время войны. Начиная с 1918 г., с обретения независимости, когда, казалось бы, национальный вопрос был решен, проблема национальной идентичности, чешскости не исчезала. На протяжении ста лет о ней говорили и говорят с болью, гордостью, с чувством удовлетворения и ущемленного самолюбия, обсуждая социальную ценность и саму бессмысленность обсуждения. Чешскость оставалась самым уязвимым, болезненным вопросом, являясь зачастую судьбоносным в выборе пути. «Земли Чешской короны были территорией, по которой проносилась история, и вот уже на протяжении 1000 лет чехи, собственно, решают один и тот же вопрос, а именно “не соглашаются с вторжением”,– пишет чешский публицист Клара Самкова.– Сначала один чешский правитель попытался купить “невторжение” за 120 волов и 120 гривен серебра (имеется в виду чешский князь, правитель Вацлав, ок. 907 – ок. 935, дата его гибели 28 сентября отмечается в Чехии как День чешской государственности. Он платил ежегодно оброк саксонцам.– *И.Г.*). Потом крестовые походы против гуситов, шведы во время 30-летней войны, потом были Габсбурги, потом немецко-фашистские войска, потом войска Варшавского договора и наконец американский радар в Брдах (Радар в Чехии вместе с ракетами в Польше должен был стать частью американской системы ПРО. Чешская оппозиция выступала против радара. В конце 2009 г. США сообщили, что временно откажутся от строительства базы. В результате построили базу в румынском Девеселе.– *И.Г.*). Братская помощь, куда ни кинь взгляд» [7].

Важный момент в понимании чешскости – представление о чехах у других народов. В 2015 г. вышла книга французского автора Микаэла Гвилуа (в соавторстве с Денисом Молчановым) под провокационным названием «Чехи, поцелуйте меня...». Это одно из немногих искренних, весьма нелицеприятных наблюдений не чеха о том, что означает сегодня в стране понятия «народ» и «государство», вопросы, которые иностранец задает чехам и не может найти ответа: почему среди них практически не было настоящих героев, откуда это лукавство, с которым они избегают всех неприятностей и которое с гордостью называют национальным юмором, почему воровство по какому-то безмолвному соглашению не считается зазорным, чем чехи с незапамятных времен укрепляют свою чешскость и чем она наполнена сегодня. И все ли дело «в пиве, маринованных сардельках, резиновых сапогах, карпе, халтуре, атеизме?» [8. S. 139].

Считается традиционным хорошее отношение к чехам поляков, хотя проблем и нерешенных вопросов у соседей много. В переводе на русский язык (2009) вышла книга «Готтленд» польского журналиста и одного из лучших современных репортеров Мариуша Щигела – «путеводитель» по чешским судьбам XX в. (Mariusz Szczygieł. Gottland. 2006, на чешском 2007). Следующая его книга «Сотвори себе рай» (Udělej si ráj. 2010, на чешском 2011) – о современной Чехии, о том, чем поляка-чехофила привлекает сегодняшняя чешская культура – «культура радости от печали». «Готтленд» сразу стал бестселлером. «Необычайная популярность книги в Чехии показывает, что чехам крайне важны публикации, которые помогут им самоидентифицироваться и определить свое положение среди европейских народов» [9. S. 212]. Главным вопросом, который мучает Щигела,– как живется чехам без Бога, ведь для поляка их атеизм необъясним и тяжело принимаем. Но при этом Чешскую республику он сравнивает с десертом, взбитыми сливками с шоколадной подливкой, против которого невозможно устоять. Импонирует Щигелу у чехов то,

что многие способны признать собственную слабость, ведь еще Б. Грабал как-то написал, что сам себя постоянно свергает с пьедестала. Собранные в книгах Щигела репортажи, однако, полны не только приятных ощущений – они ломают укоренившееся представление о чехах как о мирной нации любителей пива. Социалистическая Чехословакия, по Щигелу,– отнюдь не мифическая страна добродушных швейков. Это страна многолетнего жестокого режима, пропитанного страхом и ощущением кафкианского абсурда.

Кафка и Гашек. Эти имена чаще всего возникают при разговоре о чешском пути, чешскости и т.п. Уже цитируемый ранее Я. Чулик кстати задается вопросом: когда у нас выбирали Величайшего Чеха, никому не пришло в голову предложить Франца Кафку, Густава Малера, Зигмунда Фрейда или Райнера Марию Рильке, которые все родились в Чехии или Моравии и всю жизнь помнили о своих корнях. А писатель Йозеф Шкворецкий, всю жизнь пишущий по-чешски, считается известным канадским автором, равно как и Милан Кундера, (писавший с 1967 г. по 1990 г. по-чешски) – автором французским. Чулику вторит и политолог Томаш Колоц: «Я понимаю, что московский Арбат сделал из грузино-армянина Окуджавы выразителя русской души. Понимаю и то, что в проекте 2008 г. телеканала "Россия" "Имя России" по выбору значимых персоналий в первую десятку вошел Сталин». Самый короткий путь к познанию народа лежит через литературу. «Мир, который через литературу изучает нашу историю, видит главным образом линию, по которой движется наш народ, и эта линия проходит между двух точек опоры: Гашек и Кафка. И дело не в том, что родились они в один год (1883), а в том, что они показывают смысл чешского пути. Этот путь – в никуда, абсурд» [10. S. 11]. У Кафки в его «Процессе» Йозеф К. арестован, но в погоне за таинственным приговором так никогда и не узнает, был ли он вынесен и в чем К. обвинялся. Рядом с Йозефом К. легко встает тоже Йозеф – гашековский Швейк. Это хитрый продавец собак, который с помощью отрицания ищет выход из каждой неприятной ситуации. Массовое безумие окружающих, свихнувшийся государственный механизм, лицемерие принятых норм поведения и т.д. Два антипода – Кафка и Гашек очень схожи. И притчи Кафки, и байки Гашека по-разному, но с равной убедительностью открывают иной абсурдный мир, параллельный повседневному. Разговор о Гашеке и Кафке, умерших тоже почти одновременно (соответственно в 1923 и 1924 г.) не ослабевает по прошествии почти 100 лет. Они как бы представляют и современную Чехию в глазах иных народов. Но за столетие страна изменилась. Самым дискутируемым автором последнего двадцатилетия, высказавшимся о чешскости, причем весьма критически, был известный литератор, автор знаменитого воззвания «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим» – главного манифеста Пражской весны 1968 г., призывавшего к радикальной демократизации коммунистического режима, Людвик Вацулик (1926–2015). К 100-летию Гашека в своем эссе «Так сказал Швейк» (Tak pravil Švejk. 1983) Вацулик не перестает удивляться существованию целого направления исследований под названием «Швейкология» и возмущается тем, что за границей фигура Швейка связывается с чешским национальным характером. По Вацулику, Швейк это как дверной звонок, висящий на дверях старой Европы, и сегодня он является музеем, где все забавляются глупостью Швейка. Абсурд или глупость не могут характеризовать национальных устремлений чехов, о которых нельзя говорить столь упрощенно и примитивно. Это всегда сложная многокомпонентная смесь. В эссе «Наш словацкий вопрос», опубликованном в 1990 г., Вацулик, в частности, писал: «Мы как нация переболели в лихорадке всеми болезнями, водившимися в нашей стране. Реформация как антиреформация, национализм как интернационализм (панславянский, социалистический), фашизм как коммунизм. Разрушая мы

начинали созидать заново. У нас каждый католик еще и неосознанно гусит и наоборот, каждый реалист немного романтик и наоборот. Каждый из нас немного немец и немного словак. Все мы, новые демократы и либералы будем и впредь немного социалисты. Наше тесто замешано на всех эйфориях и депрессиях» [11. S. 12]. Чехам, считает Вацулик, есть чем гордиться. Это, как ни парадоксально, 1968 год, когда «на страницах газет и на улицах воскресла атмосфера дискуссий эпохи Масарика. А еще тогда был ошеломительный подъем того, что зовется национальной гордостью и чего чех с его самоиронией часто стесняется: когда на улицах наших городов появились танки, они ровным счетом ничего не добились. Мне представляется человек, загнанный под воду, но сумевший на несколько секунд поднять над ее поверхностью голову и сделать вдох. Пережив следующие минуты, он получает надежду на спасение. Не будь вдоха в 1968 г., кто знает, в каком состоянии застали бы нас европейские перемены» [12. С. 254]. Поражение Пражской весны, считает Вацулик, оказалось более важным, чем ее эвентуальное выживание и медленная деградация или же долгий трудный путь к полной демократии, который лишь продлил бы во времени европейские иллюзии о социализме. Значение 1968 г. в том, что за несколько бурных месяцев в людях проснулось нечто, что они еще помнили из довоенной демократической республики. В период свободы слова старшие поколения успели высказать мысли и истины, сформулировать, словесно оформить опыт, который не довелось пережить поколениям молодым.

Не доживший до перемен Вацлав Черны (1905–1987) наряду с Яном Паточкой и Бедржихом Фучиком, родившиеся при монархии, связанные глубокими корнями с Первой республикой и умершие в годы глубочайшего кризиса и морального упадка, в эпоху «нормализации», представляют три глыбы, «трех мушкетеров», как назвал их писатель К. Пецка, и, вероятно, главных авторитетов в «чеховедении». Взгляд Черного еще более жесткий, нежели у Вацулика. В. Черны ввел в широкий обиход обидное прозвище «чехачек». Оно было придумано не им, но с его легкой руки превратилось в некий общепризнанный ярлык. «Заговор посредственности против всего незаурядного – это общая черта всех малых народов, но у нашего это мощно подпитывалось “народностью” наших интеллигентов. Рядом с Чехом всегда крался Чехачек. Я называю этим словом немыслимую смесь интеллектуальной узости, необразованности и нравственной слабости, при этом он ощущает себя на мировом уровне, завистлив и тщеславен, и это можно встретить лишь в Чехии [...]. Духовно он питался мифами, общественной байкой о своей избранности, своей истории и своих в ней заслугах. Будущее чешскости я вижу очень черным» [13. С. 342–344].

В таком же духе написаны стихи о национальном характере Яна Неруды еще в середине XIX в.:

...Погибла эта мысль, нет в людях единенья
И нет для дел великих вдохновенья!
И на головы падают проклятья
За то, что позабыты наши братья,
Что каждый думает: «Как мне прожить бы сутки?»
И что в цене не головы – желудки... [14. С. 108].

Те же мысли о родине и предназначении народа звучат в «Чешских стихах» Неруды:

Нет, умирать еще мы не умеем
За наш народ, за родину, свободу,
И по-торгашески мы все печемся
О личной выгоде в ущерб народу.

Нет, умирать еще мы не умеем,
И на мужей еще мы не похожи,
Но если наша родина погибнет,
То разве без нее прожить мы сможем? [14. С. 45].

В чем же чешскость сегодня, что изменилось со времен Неруды? Можно сказать, что противостояние Челаковский – Боровский в середине XIX в., панславизм-австрославизм, Масарик – Дык в начале XX в. это такая вечная дискуссия о выборе чешского пути, которая сегодня вылилась в раскол чешского общества, разделенного на «евроскептиков» и «еврооптимистов». Сегодня место чехов и их идентичность, как никогда ранее, рассматриваются в контексте Евросоюза. Лишь небольшая часть интеллигенции считает, что национальная идентичность постепенно должна трансформироваться в общеевропейскую. Большинство чехов придерживаются противоположной точки зрения. 29% людей испытывают гордость от того, что Чехия является членом Евросоюза. Наоборот, 34% не чувствуют никакой гордости от этого, а 50% не верят в то, что принимаемые ЕС решения – в интересах Чехии [15]. Как показывают социологические исследования Евробарометра, в 2004 г. членство в Евросоюзе воспринимали позитивно 35%, что было самым пессимистичным по сравнению с другими государствами, 38% высказывали нейтральную позицию. Десять лет спустя позитивная оценка выросла лишь немного.

Через 100 лет чехи опять приходят к извечно больному вопросу, и это не «какими быть, кем быть», а «с кем быть». Писатель Эмил Гакл (род. в 1958 г., поэт, драматург, журналист) замечает: «Мы страна, которая в новейшей истории не добилась самостоятельности, не представила собственные ценности – экономические, моральные, политические, небольшое исключение составляют ценности культурные. Мы всегда были и остаемся сегодня зависимы от внешнего диктата, у нас так и не нашлось времени заняться самым важным – сплоченностью, солидарностью. Думаю, что любой дебат о чешской идентичности закончится как неудачная гротесковая пьеса» [2]. Писательница Эва Кантуркова (род. в 1930 г., прозаик, сценарист), вспоминая посыл Ф. Палацкого «Были мы до Австрии, будем и после нее», говорит, что сила национальных корней неистребима. «Но мы переживаем огромное изменение мирового порядка, глобальную взаимосвязь. О национальной идентичности говорить легко, но тяжело ее определить. Из того понятия, на которое она опиралась, ушла жизнь. Кому говорят что-то сегодня строки “Вперед, народ наш дорогой, вечно вперед”[1]. А есть ли еще у нас родина? – вопрошает Кантуркова.– Или только государство? При существовании изолированных индивидов являемся ли мы еще национальной общностью? Или мы только скачущие чехи? (“кто не скачет, тот не чех” – кричалка болельщиков.– *И.Г.*). Наш язык, когда-то святая скрепа (tmel), не вытесняется ли английским? Мировое значение чешского вопроса, как его когда-то сформулировал Масарик,– в духовном влиянии и чешской идентичности, с которой мы каким образом должны распорядиться? Поделиться с миром или раствориться в идентичности высшего порядка? Опять вопрос на вопросе [...]

---

[1] Имеются в виду стихи Неруды «Только вперед»:
О чехи – гвозди, скрепы корабля!
Да сохраним его большим и цельным,
Чтоб засияла чешская земля!
Но если б все насытились желанья
И стал бы светел чешский небосвод –
Как нет людскому морю затиханья,
Так будь и ты готов для испытанья,
Вперед, народ наш дорогой, вперед! [14.С.102].

Чешскость это слабая мотивация сегодня, и по сравнению с прошлым потеряна ее духовная наполняющая» [2].

Да, сегодня распад традиционных связей в обществе, социальное разобщение, размывание национальной идентичности при нарастании процессов глобализации характерны для всех стран, особенно маленьких. Но, как отмечают многие участники анкеты «Literární noviny»,– Чешская республика сегодня не республика чехов, а чешской культуры, и кто есть чехи определяется именно принадлежностью к ней.

Преодоление атомизации общества возможно именно через осознание важности культуры, традиций, корней. Европа наших дней «с востока и с запада окружена двумя огромными пространствами, совершенно униформированными и замкнутыми в себе, в то время как богатство Европы кроется именно в ее разнородности, разнообразии и многообразии, и если она от этого когда-либо откажется, то откажется и от самой себя» [16. С. 243].

В завершение бесконечного и сложного разговора о чешскости можно было бы закончить словами 18-летней выпускницы чешской школы, писавшей сочинение о национальном характере: «Думаю, что чехи как свободный народ все еще ищут свое место. Я верю, что в нас много хороших качеств. Мы можем прийти на помощь к тем, кому требуется. Мы способны на жертвы, потому что верим в любовь и добро. Мы понимающие, и наш юмор помогает преодолевать казалось бы непреодолимое. Многие из нас окружены барьерами предосторожности и предрассудков, сквозь которые сложно продраться. И все же, если кому-то это удается, он видит, насколько благожелательными, искренними и надежными мы можем быть» [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Turner J.* Češství a čecháčkovství. IDnes.2.02.2018. https://turnerjiri.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=647423 (дата последнего посещения 18.04.2019).
2. Češi, víte, co chcete? 19.10.2015. Anketa. Literární noviny. č.10. http://literarky.cz/politika/domaci/20821-ei-vite-co-chcete%20 (дата последнего посещения 18.04.2019).
3. *Koloc T., Čulík J.* O chaosu, nestabilitě, nacionalismu a xenofobii. 31. 12. 2008. Britské listy. https://legacy.blisty.cz/art/44472.html (дата последнего посещения 18.04.2019).
4. *Špičák J.* České myšlení. Praha, 1981.
5. *Ненашева З.* Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX – начале XX века. М., 1994.
6. *Tomeš J.* Viktor Dyk a T.G. Masaryk. Dvojí reflexe češství. Vyd. 2., dopl. Praha, 2015.
7. *Samková K.* Co je češství? 11.9.2018. Parlamentní listy. http://www.zrcadleni.cz/co-je-cesstvi/ https://turnerjiri.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=647423 (дата последнего посещения 18.04.2019).
8. *Gwiloua M., Molčanov D.* Češi, polibte mě... Praha, 2015.
9. *Mroczek I.* Gottland Mariusza Szczygła w czeskim przekładzie i jego czeska recepcja: przypadek Ludvika Vaculika // Przekłady Literatur Słowiańskich. Katowice, 2011. T. 2. Cz. 1.
10. *Raduševič M.* Češství // Literární noviny. 29.10.2015.
11. *Vaculík L.* Naše slovenská otázka // Literární noviny. 3.05. 1990.
12. Вацулик Л. Вдох. Эссе // Иностранная литература. 2008. № 9.
13. *Герчикова И.* Вацлав Черны (К столетию со дня рождения) // Славянский альманах 2005. М., 2006.
14. *Неруда Я.* Стихотворения. Рассказы. Малостранские повести. М., 1975.
15. *Миклас Я.* «Евроскептики» и «еврооптимисты». ЕС в чешском общественно-политическом сознании. Столетие. 30.05.2008. http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/evroskeptiki_i_evrooptimisti_2008–05–30.htm (дата последнего посещения 18.04.2019).
16. *Вацулик Л.* Моя Европа (с тремя картинками) // Иностранная литература. 2001. № 5.
17. *Beshirová E.I.* 21.12.2011. http://www.cesky-jazyk.cz/slohovky/eseje/ceska-povaha.html#ixzz5WeepdbSm, (дата последнего посещения 18.04.2019).